

Яр Кремень

Стекло. Цикл «Вещи помнят»

ВЕЩИ ПОМНЯТ

Яр Кремень

Стекло. Цикл «Вещи помнят»

«Автор»

2026

Кремень Я.

Стекло. Цикл «Вещи помнят» / Я. Кремень — «Автор»,
2026 — (ВЕЩИ ПОМНЯТ)

23 года одно стекло смотрело на улицу. Оно помнит всё: ночь, когда двое грабителей пили чай с сушками, а рыжая кошка Муся царапнула дверь, изменив ход событий. Помнит пьяных, влюблённых, плачущих, счастливых. Помнит руки Сергея, который когда-то искал свою Ирину, и возвращение Гены — того самого парня, что двадцать два года назад держал монтировку. В каждом осколке на свалке остались лица: Анна с тряпкой, старушка с авоськой, дети с мелом, влюблённые у входа. Стекло разбито, но отражения не исчезают. Они живут в каждой капле дождя, в каждом лучике света. Потому что даже у вещей есть память.

© Кремень Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

СТЕКЛО	5
2000. Январь. Установка	6
НОЧЬ ОГРАБЛЕНИЯ	8
БУДНИ (калейдоскоп)	11
2001, весна	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Стекло. Цикл «Вещи помнят»

СТЕКЛО

(витрина магазина)

2000. Январь. Установка

Зима в тот год выдалась злая. Морозы стояли под тридцать, а ветер срывал с крыш снег и швырял в лица прохожим так, что те зажмуривались и поворачивались спиной, пятась задом, как раки. На окраине города, где пятиэтажки переходили в частный сектор с покосившимися заборами и вечно лающими собаками, магазин «Продукты 24» работал круглосуточно. Стекла в двери не было уже третьи сутки — дыра, затянутая фанерой, пропускала холод, и Анна, продащица, сидела в ватнике, кутаясь в пуховый платок и считая минуты до прихода стекольщика. Каждые полчаса она подходила к фанере, смотрела в щёлку на улицу и вздыхала: метель не унималась, ветер выл, как голодный пёс.

Он пришёл утром, когда ещё не рассвело. Метель слегка утихла, но снег продолжал сыпать — мелкий, колючий, как песок, который забивается в глаза и за воротник. Стекольщик, мужик лет пятидесяти в промасленном ватнике, шапке-ушанке с опущенными ушами и валенках с калошами, вылез из грузовичка, матерясь на чём свет стоит. Грузовичок был старый, «газон», с брезентовым верхом, и в кузове позвякивали стёкла. Он нёс новое стекло, завернутое в мешковину, и слюду для швов, и замазку в жестяной банке, и инструменты в потёртом кожаном чехле.

— Чтоб вы все провалились, — бормотал он, отряхивая снег с рукавиц и топая валенками, чтобы сбить налипший снег. — Каждую неделю быют. Третье за месяц. Стекло не нападёшь. Скоро завод на меня работать будет.

Анна открыла дверь,пустила его в тёплое помещение. В магазине пахло хлебом, сыром «Костромской», дешёвой колбасой, которую резали тонкими ломтиками, и керосином от печки, которую топили в подсобке, потому что центральное отопление еле грело. Лампочка под потолком горела тускло, жёлто, отбрасывая тени на пустые прилавки.

— Ставь быстрее, — сказала Анна, протягивая ему кружку с горячим чаем. В кружке плавал кусочек сахара, ложка звякнула о край. — Замёрзла вся. Вчера ночью опять кто-то бутылкой кинул. Прямо в дверь. Я аж подскочила.

— Пьянь, — сплюнул стекольщик, принимая кружку и грея о неё покрасневшие, обветренные руки. — Руки бы им поотрывать. И ноги. И всё остальное, чтоб не шастали. — Он глотнул, крикнул, поставил кружку на прилавок и принялся за работу.

Стекло лежало на прилавке, ещё не вставленное в раму. Оно было холодным, прозрачным, идеально чистым — ни царапины, ни пузырька, ни единого изъяна. Оно ещё не знало, что ему предстоит. Оно просто было — кусок силиката, выплавленный на заводе где-то под городом, отшлифованный, обрезанный по размеру, готовый служить. Оно лежало на грубой мешковине и впитывало первые ощущения: тепло магазина, запах чая, голоса.

Стекольщик вынул старую фанеру — она отвалилась с хрустом, и в дверную раму тут же ворвался холодный воздух. Анна поёжилась, запахнула ватник. Стекольщик долбил стамеской засохшую замазку, матерился сквозь зубы — замазка была старая, крошилась, не поддавалась. Он ковырял, скрёб, сыпал мусор на пол, потом смахивал его веником в совок. Потом примерил стекло, приложил к раме — не лезло, миллиметра два лишних. Доставал стеклорез, чиркал по краю, ломал — резко, с хрустом. Край откололся ровно, без сколов.

Снова примерил. Теперь лезло.

— Ну вот, — сказал он сам себе. — Наука.

Он нанёс свежий слой слюды, размазывая её шпателем ровно, аккуратно, с каким-то даже удовольствием. Потом взял стекло — осторожно, за края — и вставил в раму. Пристукнул молотком — раз, другой, третий. Легонько, чтобы не разбить.

Стекло вздрогнуло. Первое ощущение — вибрация. Гулкая, тяжёлая, от ударов молотка. Она прошла сквозь всю дверную коробку, заставив стекло мелко задрожать. Дрожь была непри-

вычной, почти болезненной, но стекло терпело — оно было новым, крепким, оно должно было держать удар. Потом — холод. Метель била снаружи, и стекло, ещё не привыкшее к своей роли, приняло этот удар на себя. Оно чувствовало, как с той стороны ледяной ветер давит, пытается проникнуть внутрь, с этой — тепло магазина, пахнущего хлебом и керосином. Граница была резкой, почти живой. Дрожь не унималась — стекло вибрировало в такт ветру, мелко, часто, как от страха.

— Готово, — сказал стекольщик, убирая инструменты в чехол и вытирая руки ветошью. — Теперь лет на десять хватит. Если, конечно, эти ироды опять не разобьют. — Он покосился на Анну. — Ты уж смотри, бабка, не подставляй его.

Анна подошла, провела рукой по гладкой поверхности. Стекло почувствовало тепло её ладони — сухой, шершавой, с натёртыми мозолями от постоянной работы, с трещинками на пальцах, пахнущей хлебом и табаком. Оно ощутило давление пальцев, лёгкое, почти невесомое, но отчётливое — как первое прикосновение матери к новорождённому. Анна посмотрела на своё отражение.

— Стареем, — сказала она тихо.

Её лицо в стекле было усталым, с глубокими морщинами у глаз, седой прядью, выбившейся из-под платка, с тёмными кругами от бессонных ночей. Она поправила платок, вздохнула. Дыхание запотело стекло, и на миг отражение исчезло, растворилось в белой пелене.

Стекло впервые ощутило запотевание — влага от тёплого дыхания оседала на холодной поверхности, мельчайшими каплями. Это было странно, ново, почти щекотно. Капли собирались, стекали вниз, оставляя мокрые дорожки. Потом высыхали, и отражение возвращалось.

— Сколько с меня? — спросила Анна.

— Да ладно, — махнул рукой стекольщик. — В следующий раз заплатишь. Если доживём. — Он усмехнулся, подхватил свой мешок и вышел. Дверь хлопнула, стекло дрогнуло, но устояло.

Анна отошла за прилавок, села на табуретку, закурила. Стекло осталось одно. Оно смотрело на улицу — снег, сугробы, редкие прохожие, кутающиеся в воротники. Завывал ветер. Стекло дрожало, но держалось. Оно привыкало к своей новой роли — быть границей между холодом и теплом, между улицей и домом, между жизнью и жизнью.

Через час пришла первая покупательница. Старушка в тёмном пальто, с авоськой, полной картошки, и кошёлкой, из которой торчали зелёные перья лука. Она толкнула дверь — и стекло впервые почувствовало прикосновение человеческих рук. Тёплых, шершавых, с натёртыми мозолями от сумок, с запахом картошки и снега. Старушка вошла, и вибрация от её шагов отдалась в стекле лёгкой дрожью. Дрожь прошла по всей поверхности, затихла где-то в углах.

— Хлеб свежий есть? — спросила старушка у Анны.

— Есть, баб Мань, есть. Бери.

Стекло смотрело на них обеих, отражало их лица, их движения, их жизнь. Оно ещё не знало, что таких прикосновений будут тысячи. Что его будут бить, царапать, мочить, запотевать от дыхания очередей. Что оно увидит слёзы, счастье, страх, надежду. Что станет свидетелем одной странной ночи, когда двое в масках будут пить чай с сушками, а рыжая кошка оставит на нём глубокую царапину.

Оно просто было — новое, чистое, готовое.

А за окнами мела метель. И стекло, ещё не научившееся различать время, уже начало свой отсчёт. Секунда за секундой, удар за ударом, прикосновение за прикосновением.

Оно ждало.

НОЧЬ ОГРАБЛЕНИЯ

2000, март

Ночь. Глубокая, чёрная, беззвёздная. Фонарь на углу разбит уже неделю, и никто не чинит. Тьма стоит плотная, как кисель. Только в магазине «Продукты 24» горит свет — одна тусклая лампочка над прилавком, и другой — в подсобке, где Анна греет чай. Стекло смотрит в эту тьму и видит только своё отражение — искажённое, бледное, с жёлтым пятном лампочки вместо лица.

Они появляются из темноты внезапно. Сначала тени, потом фигуры. Двое. В масках — дешёвых, из женских колготок, натянутых на головы. Лица расплываются, черты искажены, только глаза блестят в прорезях. Один высокий, худой, плечи опущены, руки трясутся. Другой пониже, коренастый, идёт твёрдо, размашисто.

Стекло чувствует их приближение. Вибрация от шагов по замёрзшему асфальту передаётся через фундамент, через дверную коробу, проникает в самую сердцевину. Дрожь. Слабый, высокий звук — почти неслышимый, но стекло его слышит. Предупреждение.

Высокий — его зовут Гена — подходит к двери первый. Касается ручки. Рука в перчатке, но сквозь ткань стекло чувствует дрожь. Мелкую, частую, как у больного в ознобе. Гена дёргает ручку — заперто. Толкает плечом — дверь скрипит, но держится. Стекло прогибается, напрягается, держит.

— Давай, чего встал? — шипит коренастый — Лёха. — Бей давай.

Гена оглядывается. В глазах — страх, сомнение, что-то ещё, похожее на тоску. Он поднимает руку с монтировкой, замахивается...

Стекло видит его отражение. Расплывчатое, тёмное пятно с белыми глазами. Монтировка летит вниз.

Удар. Глухой, тяжёлый. Стекло вздрагивает всем телом. Вибрация проходит насквозь, отдаётся в каждом атоме. Больно. Не физическая боль, как у живого, а другая — дрожь, звон, напряжение, готовое разорвать. Но стекло держится. Трещина? Нет. Пока нет. Прочность.

Лёха отталкивает Гену, сам бьёт ногой. Сапог — тяжёлый, кирзовый — врежется в стекло. Удар сильнее. Стекло прогибается, почти выгибается наружу, но возвращается на место. Дзынь — звенит где-то внутри, высоко, жалобно. Но держится.

— Да что ж ты такое, — злится Лёха. — Стекло, сука, бронированное?

Гена молчит. Он стоит, опустив монтировку, и смотрит на своё отражение. В стекле он видит себя — длинного, тощего, в чёрной куртке, с дурацкой маской из капрона. Глаза — испуганные, как у зайца. Он отворачивается.

Лёха бьёт ещё раз. Ещё. Ещё.

Стекло стонет. Звук тонкий, противный, как комариный писк. На поверхности появляются первые царапины — мелкие, почти незаметные, но стекло их чувствует. Каждая царапина — как порез на коже.

Наконец, с пятым ударом, замок поддаётся. Дверь распаивается. Холодный воздух врывается внутрь, смешиваясь с тёплым, магазинным. Стекло вздрагивает от перепада температур, запотеваает на миг.

Парни входят. Тяжёлые сапоги топчут по линолеуму. Гена спотыкается о порог, чуть не падает, матеряется сквозь зубы. Лёха идёт прямо к прилавку, за которым спит Анна.

Она спит сидя, положив голову на сложенные руки. Платок сполз на лоб, из-под него выбилась седая прядь. Лицо усталое, морщинистое, но спокойное. Она не слышала ударов — или слышала, но решила не вставать. Пенсия маленькая, выручка копеечная, чего бояться?

Лёха перегибается через прилавок, трясёт её за плечо.

— Бабка, вставай. Деньги давай.

Анна открывает глаза. Медленно, как сквозь сон. Смотрит на Лёху, на его маску, на монтировку в руке. Потом на Гену, который стоит у двери, переминаясь с ноги на ногу. Молчит. Трёт глаза.

— Бабка, оглохла? — Лёха повышает голос. — Деньги, говорю, давай. Быстро.

Анна смотрит на него долго, очень долго. Потом говорит:

— Чайник закипел. Будете чай?

Лёха застывает. Гена поднимает голову. Тишина. Только ветер гудит за дверью и где-то вдалеке лает собака.

— Ты чё, бабка, с дуба рухнула? — Лёха говорит уже не зло, а растерянно. — Какое чай?

— Обыкновенное, — Анна встаёт, поправляет платок. — Замёрзли, поди. На улице холодно. Чай согреет. — Она идёт в подсобку, не оглядываясь. — Садитесь пока. Вон на ящики.

Лёха смотрит на Гену. Гена пожимает плечами. Они стоят посреди магазина, два грабителя в масках, и не знают, что делать. По сценарию бабка должна была кричать, плакать, прятаться под прилавок. А она чай предлагает.

Анна возвращается с чайником — старым, эмалированным, с отбитым носиком. Ставит его на прилавок. Достает две кружки — гранёные, с выщерблинами. Из-под прилавка появляется вазочка с сушками. Маленькими, сухими, с маком.

— Садитесь, говорю. — Она кивает на ящики у стены.

Лёха опускает монтировку. Гена садится первым — ноги не держат. Лёха садится рядом. Снимают маски. Лёха лысый, с красным лицом и злыми глазами. Гена худой, бледный, с редкой щетиной и затравленным взглядом. Стекло видит их обоих — отражение в тёмной поверхности, искажённое, но узнаваемое.

Анна разливает чай. Пар над кружками поднимается к потолку.

— Сушки берите, — говорит она. — Свежие. Вчера завезли.

Лёха берёт сушку, вертит в пальцах. Гена сидит неподвижно, смотрит в одну точку. Потом берёт кружку, греет о неё руки. Пьёт. Обжигается, но не показывает.

— Ты чё, бабка, не боишься нас? — спрашивает Лёха.

— А чего вас бояться? — Анна садится на табуретку. — Молодые ещё. Дураки. Жизнь не знаете. Чай вот пьёте, а не водку. Значит, не всё потеряно.

Гена молчит. Смотрит в кружку. Потом начинает говорить. Сначала тихо, потом громче, захлёбываясь словами, как будто прорвало.

— Мать у меня... она тоже чай заваривала. Всегда. В любую погоду. Как войдёшь с мороза — сразу чайник ставит. А я... я у неё деньги брал. На выпивку. На игру. Всё просил, а она давала. Последнее отдавала. А теперь... — Он замолкает, глотает воздух. — Теперь она в больнице. Сердце. А я ей помочь не могу. Долгов полно. Кредиты. Лёха говорит, лёгкие деньги... — Он смотрит на монтировку, брошенную на полу. — А какие они лёгкие?

Лёха молчит. Грызёт сушку. Выбирает самую румяную, хрустит, не глядя на Гену. В его глазах — усталость и пустота. Он уже видел таких, как Гена. Много раз. И сам был таким. Теперь просто делает дело. Без эмоций.

Анна слушает, кивает, подливает чай.

— Мать, говоришь, в больнице, — вздыхает она. — У меня тоже дочка есть. В другом городе. Редко звонит. А я всё жду. Думаю, может, приедет. Может, внуков привезёт. — Она поправляет платок. — Стареем мы. А вы молодые. Всё у вас впереди. Если головой думать, а не... этим. — Она кивает на монтировку.

Гена плачет. Слёзы текут по щекам, капают в чай. Он не вытирает их, сидит, сгорбившись, и плачет. Лёха молчит. Жуёт сушку. Третью по счёту.

В этот момент снаружи, по стеклу, скользит луч фар. Медленно, потом быстро, ослепляя. Стекло вздрагивает — свет режет, как нож. По поверхности пробегают блики, отражаются в кружках, в глазах, в лужице пролитого чая на полу.

Все замирают.

Луч приближается. Слышен шум мотора — грубый, надсадный. Милицейский «уазик», старый, раздолбанный. Проезжает мимо. Медленно, очень медленно. Фары скользят по витрине, по двери, по лицам. Гена вжимается в ящики, Лёха замирает с сушкой в руке. Анна сидит спокойно, смотрит прямо перед собой.

Машина проезжает. Шум затихает. Луч исчезает в темноте.

Тишина. Слышно только, как тикают часы на стене. И вдруг — звук. Резкий, противный, скребущий.

Царапанье.

Муся скребёт когтями по стеклу. Просится внутрь. Стекло чувствует каждое движение её когтей — четыре полосы, одна глубже других. Царапины остаются навсегда. В одной из них застрянет рыжая шерстинка.

Все трое поворачивают головы. Кошка сидит на подоконнике снаружи, смотрит на них жёлтыми глазами, мяукает беззвучно, скребёт, скребёт, скребёт.

— Кошка, — говорит Анна. — Голодная, видать. — Она встаёт, идёт к двери, выпускает Мусю. Кошка входит, трётся о её ноги, мурлычет. Потом прыгает на ящики, садится рядом с Геной, смотрит на него.

Гена гладит её. Рука дрожит, но гладит. Муся жмурится, мурлычет громче.

Лёха доедает сушку. Встаёт. Подбирает монтировку. Смотрит на Анну.

— Пошли, — говорит он Гене. — Хватит.

Гена встаёт, мнётся у двери.

— Простите, — говорит он тихо. — Простите нас.

Анна кивает. Молча. Смотрит на них.

Лёха выходит первым, Гена за ним. Дверь хлопает. Стекло вздрагивает в последний раз и затихает.

Они уходят в темноту. Ничего не взяв. Даже сушки, оставшиеся на прилавке.

Анна стоит, смотрит им вслед. Потом гасит свет в подсобке, садится на табуретку, обнимает Мусю. Кошка мурлычет, трётся о её руку.

Стекло смотрит в ночь. На тёмной поверхности остались отпечатки пальцев, царапина от когтей, разводы от чая. Оно помнит глаза Гены — испуганные, виноватые, потерянные. И Лёху — пустого, равнодушного. И Анну — спокойную, как скала.

Царапина от Муси останется навсегда. В ней застряла рыжая шерстинка. Стекло будет видеть её каждый день, каждую ночь, каждый раз, когда Анна будет протирать его тряпкой. Будет вспоминать эту ночь.

Ночь, когда двое в масках пили чай с сушками и ничего не украли.

Ночь, когда кошка царапнула его когтями и стала частью его истории.

Ночь, когда оно впервые поняло, что люди — не только боль и страх. Что в них есть что-то ещё. Тёплое, как чай. Хрупкое, как стекло.

БУДНИ (калейдоскоп)

2001, весна

Март выдался слякотным. Снег таял быстро, превращая улицы в месиво из грязи, воды и прошлогодней листвы. Лужи стояли у самого порога, и каждый входящий шлёпал по ним, оставляя на полу мокрые следы. Стекло смотрело на эту весеннюю кашу и видело в ней отражение серого неба — плоское, безжизненное.

Мужик появился в девятом часу вечера. Шёл он шатаясь, цепляясь за забор, за фонарный столб, за воздух. В стёганой телогрейке, шапке-ушанке с опущенными ушами, в кирзовых сапогах, облепленных грязью. Лицо красное, опухшее, с сизым носом и мутными глазами, которые смотрели в разные стороны. Пьяный. Сильно пьяный. До зелёных соплей, до провалов в памяти, до чёртиков, которые, наверное, уже плясали у него перед глазами.

Он подошёл к двери, толкнул её плечом, но не вошёл. Остановился, уставился на стекло. Стекло смотрело на него — отражение, расплывчатое, искажённое каплями дождя. Мужик видел там кого-то другого, наверное. Или себя, но не узнавал.

— Ты кто? — спросил он у стекла.

Стекло молчало. Оно вообще не умело говорить.

— А я знаю, кто ты, — продолжил мужик. — Ты — сволочь. Ты меня не пускаешь.

Он размахнулся и ударил плечом в стекло. Удар — глухой, тяжёлый. Стекло вздрогнуло всем телом, прогнулось внутрь, на миллиметр, на два, но выдержало. Вибрация прошла по всей поверхности, разбегаясь кругами, как по воде. Звук был низкий, гулкий, похожий на стон. Мужик отшатнулся, потёр плечо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.